

какимъ образомъ собака, лающая на зонтикъ, движимый вѣтромъ, за которымъ ей чудится кто-то чужой, можетъ навести на объясненіе всей обширной области религіи, цѣлаго внутренняго міра, этихъ глубокихъ, высокихъ, захватывающихъ духъ образовъ и мыслей?—Самъ Левъ Н-чъ сталь подъ конецъ проповѣдоватъ семейная добродѣтели и подъ его, конечно, вліяніемъ одинъ изъ учениковъ Ясно—Полянскай школы, Василій Морозовъ, написалъ разсказъ „Солдаткино житѣе“, помѣщенный въ одной изъ книжекъ для чтенія въ школахъ, издававшихся при журналѣ „Ясная Поляна“. Въ Солдаткиномъ житѣе разсказывалось, какъ одинъ солдатъ, завѣдовавшій на службѣ хозяйствомъ какой-то воинской части, принакопиль деньжонокъ, на которыя, возвратившись со службы, устроилъ наилучшимъ образомъ свое хозяйство и счастливую семейную жизнь. Въ журнале „Ясная Поляна“ Л-въ Н-чъ помѣстилъ разборъ „Солдаткина житѣя“ и, расхваливъ этотъ разсказъ, не осуждаетъ даже то, что солдатъ сдѣлалъ на службѣ сбереженія,—очевидно незаконнымъ путемъ,—давшія ему возможность осчастливить свое семейство; и кажется книжка „Ясной Поляны“ съ разборомъ разсказа „Солдаткино житѣе“ появилась послѣ уже женитьбы Льва Н-ча, когда онъ сдѣлался самымъ горячимъ поборникомъ семинарскаго начала, весь отдался мысли, что всякий долженъ всецѣло отдать себя на служеніе своей семьѣ, и именно семье, только отъ него происходящей, а не семье своихъ отца—матери.—Все это не могло слишкомъ глубоко подѣйствовать на насъ, самую зеленую молодежъ, которымъ думать о своемъ семействѣ было еще рано, да и слишкомъ было эгоистично отдать всего себя своему лишь семейству. По этому, пріѣхавъ въ Москву, я скоро поддался вліянію товарищей и вошелъ въ составъ одного изъ революціонныхъ кружковъ. Въ начальѣ 1864 года я снова покинулъ университетъ и поступилъ учителемъ уѣзднаго училища въ Богородскъ Московской губерніи; цѣль моего поступленія на должность учителя уѣзднаго училища была пропаганда... Одинъ изъ сочленовъ кружка сообщилъ мнѣ, что въ Богородскѣ учителемъ уѣзднаго училища нѣкто—Николай Федоровичъ Федоровъ, человѣкъ самоотверженный, напоминавшій своей жизнью Рахметова, человѣкъ необыкновенаго ума и честности; а мы тогда думали, что умный и честный человѣкъ не можетъ быть не съ нами. И вотъ, пріѣхавъ въ Богородскъ 15 марта 1864 года, я тотчасъ же отправился къ Н-ю Ф-чу, который оказался человѣкомъ лѣть сорока, т. е. года на четыре старше Льва Н-ча; онъ былъ холостъ и жилъ аскетомъ, у него не было не только постели, но даже и подушки; питался онъ тѣмъ, что подавали ему хозяева, простые мѣщене, пища которыхъ была здоровая, но простая, что были они сами, то подавали и Н-ю Ф-чу, въ скромные дни и Н-й Ф-чъ бѣль скромное, по средамъ и пятницамъ и въ посты подавалось постное. Н-й Ф-чъ никогда никакихъ требованій не заявлялъ и всегда былъ доволенъ тѣмъ, что ему подавали. При первой же встречѣ съ Н-емъ Ф-чемъ я тотчасъ же выложилъ ему всего себя, объяснилъ и цѣль, съ которою я сдѣлался учителемъ уѣзднаго училища. На это я услышалъ: „Не понимаю!“—сказалъ Н-лай Ф-чъ,—„о чёмъ вы хлопочете? Вѣдь ничего, кроме материального благосостоянія тѣмъ, о которыхъ хлопочете, вы дать не можете, такъ какъ никакого другого бла-